

Л. А. Черная

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОД
ДРЕВНЕРУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 63.3(2)46-7
Ч 49

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 07-04-16054

Черная Л. А.

Ч 49 Антропологический код древнерусской культуры. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 464 с. — (Studia historica).

ISBN 978-5-9551-0269-6

На основе философско-антропологического подхода автор предлагает свою типологию и периодизацию древнерусской культуры, позволяющие проанализировать историко-культурный процесс через смену антропологических кодов: телесный код в языческие времена; доминирование «души» в решении проблемы человека в период принятия и утверждения христианства; признание познающего разума как сущности человеческой природы в переходный период от Средневековья к Новому времени.

ББК 63.3(2)

*В оформлении переплета использованы
фрагмент картины «Конный портрет Алексея Михайловича» (неизвестный русский художник, 2-я пол. 1670-х — 1-я пол. 1980-х гг.);
пелена «Вынос иконы Одигитрия в Вербное воскресенье» (мастерская
Е. С. Волошанки. Москва, 1498)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0269-6

© Черная Л. А., 2008
© Языки славянских культур, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I	
Философско-антропологическое осмысление культуры	31
1. Антропологизация теории культуры	31
2. Философско-антропологический подход к феномену культуры	40
3. Философско-антропологическая типология и периодизация культуры	48
Глава II	
Телесный код языческой культуры	62
1. Представления о телесности мира	67
2. Телесный код человека	90
3. Основные принципы культуры периода «Тела»	107
Глава III	
Принятие христианства: переходный период	129
1. Мир как Творение	129
2. Человек как Душа	143
3. Формирование «душеполезной» культуры	166
4. Личностный тип культуры XI—XIII вв.	186
Глава IV	
Расцвет культуры «Души»	204
1. Особенности развития Руси во второй половине XIII—XV вв.	204
2. Гармония «внутреннего» и «внешнего» человека	216
3. Апогей средневековой культуры	239
Глава V	
Кризис культуры «Души» в XVI в.	268
1. Формирование культуры внеличного типа	268
2. Торжество «чина» в культуре	290
3. Замкнутость и статичность культурной системы	315

Глава VI

Переход от культуры «Души» к культуре «Разума»	333
1. Новое решение проблемы человека	333
2. От старины к новизне	361
3. Динамичность и открытость культуры	387
Заключение	410
Литература	420
Указатель имен	451

ВВЕДЕНИЕ

Древнерусская культура — это огромный закодированный текст, требующий своего декодирования. Еще В. О. Ключевский был уверен в том, что без проникновения в код древнерусской культуры исследователь обречен на непонимание сути происходящего в ней: «Мы, сторонние и равнодушные наблюдатели склада и формы чуждой нам и удаленной от нас жизни, расположены судить о ней по впечатлению, которое она на нас производит. Не будет ли справедливее, человечнее и научнее брать во внимание при этом суждения и те чувства и соображения, с какими работали над этой жизнью ее строители, и те впечатления, которые на них производила их собственная работа? Чтобы понимать своего собеседника, надо знать, как сам понимает он слова и жесты, которыми с вами объясняется, а обычаи и порядки старой жизни — это язык понятий и интересов, которыми старинные люди объяснялись друг с другом и объясняются с нами, их потомками и наблюдателями»¹.

На протяжении прошлого и нынешнего столетий мировая наука выработала аксиологический, цивилизационный, деятельностный, семиотический, герменевтический, игровой и другие подходы, ставящие своей задачей постижение культуры. Сразу следует оговориться, что только при совокупности всех и всяческих подходов можно приблизиться к истинному пониманию столь сложного феномена, каким является культура. Любой метод, используемый вне связи с остальным и подходами, относителен и приведет к относительным же результатам. Разрабатывая философско-антропологический подход к истории культуры, я отдаю себе отчет в его ограниченности и не претендую на истину.

Ключ к антропологическому коду древнерусской культуры складывается из философской антропологии, дополненной исторической, социальной и гендерной антропологией. Он включает в себя также элементы социальной психологии и многих других научных дисциплин и направлений, связанных с изучением человека. Философская антропология позволяет создать обобщающую, панорамную

¹ *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1959. Т. VIII. С. 476.

картину, как бы написанную крупными мазками без прорисовки деталей и передачи оттенков и нюансов, картину, на которой должно уместиться многовековое наследие русской культуры вплоть до начала XVIII столетия. Историческая, социальная и гендерная антропология позволяют уточнять детали этой картины, «прописывать» подробности историко-культурного полотна в определенные временные отрезки и на отдельных участках. В целом же антропологический подход дает как бы «внутренний» ключ, кроющийся в самом человеке, к дешифровке столь богатой, разнообразной и одновременно склонной к умалчиванию о себе древнерусской культуры.

* * *

История изучения древнерусской культуры насчитывает уже более двух с половиной столетий. У ее истоков стоял, по-видимому, В. Н. Татищев, создавший первую в России историко-культурную периодизацию «всемирного умопросвещения»². В «Разговоре дву[x] приятелей о пользе науки и училищах» Татищев не только доказывает практическую и нравственную пользу знания, утверждая, что «наука — главная есть, чтоб человек мог себя познать...» [70], но и предлагает свою интерпретацию культуры как просвещения. Первый этап в развитии культуры он связывает с «обретением письма», то есть изобретением письменности: «...начались книги, в которых истории прешедших времен или учения к нашей пользе представлялись» [71]. Второй этап всемирного умопросвещения ученый определяет как эру «пришествия и учения Христа». Это «другое великое переменение», по словам мыслителя, дало возможность человечеству познавать Бога через видимый мир: «Истинно есть, что человек по естеству познать Бога способность имеет, если токмо внятно и прилежно о том помыслит, к чему нам сей видимый мир за наилучшую книгу служить может...» [73]. По Татищеву, недостаток просвещения послужил причиной того, что ученые, совершавшие научные открытия мирового масштаба, подвергались преследованию церкви и общества: «высокого ума и науки людей, ...как то Вергилий епискуп за учение, что Земля шаровидна, Коперникус за то, что написал Земля около Солнца, а месяц около Земли ходит, Картезий за опровержение Аристотелической философии и за учение, чтоб все сущими доказательствы, а не пустыми силлогисмы

² Татищев В. Н. Избр. произв. Л., 1979. С. 51. Далее ссылки даны в тексте в скобках.

доводить, Пуфендорф за изъяснение естественного права... прокляты, афеистами оглашены и книги их употреблять запрещены были» [75]. Третий период в развитии мировой культуры Татищев связывал с изобретением книгопечатания («тиснения книг»): «Через тиснение же изданные хотя б во сте местах погибли, то еще в 1000 и более таковы ж целы останутся, как то по обретении тиснения в скорости множество полезных древних книг немалым числом стали печатать, а чрез оныя всяк имея, способнее к распространению наук прилежать стали, многия училища и академии по разным местам устроены и чрез оные большой свет истиннаго разума открыли...» [78].

Если следовать периодизации Татищева, то древнерусская культура охватывала все три стадии — изобретение письменности, принятие христианства и начало книгопечатания — все они попадают в хронологические рамки Древней Руси. Но еще задолго до изобретения письменности уже существовала культура, питавшаяся языческими представлениями. И именно языческий пласт народных преданий, сказаний, сказок, суеверий, фольклора в целом ассоциировался во второй половине XVIII в. с древнерусской культурой, которую начали собирать, систематизировать и изучать. Тогда же, во времена Екатерины II, появилось и деление истории России на «древнюю» и «новую», граница между которыми приходится на время реформ и преобразований Петра Великого. И кн. М. М. Щербатов, и Н. М. Карамзин употребляли эти определения, вкладывая в них морально-этический смысл: Древняя Русь связывалась с нравственным состоянием русского общества, новая — с «повреждением нравов», вызванным западным влиянием. «Новые обычаи» привели к разрушению «гражданской нравственности»³.

Западноевропейская культурологическая мысль XVIII столетия предлагала антропологическую периодизацию, разделяя историю мировой культуры на периоды, соотносимые с возрастом человека (младенчество, юность, зрелость, старость). Русские авторы знали и использовали эту периодизацию. Так, Н. М. Карамзин, оценивая русскую культуру в целом, приводил образ «пылкового юноши», у которого уже пройден путь ученичества, но еще впереди период свершений. В статье «О любви к Отечеству и народной гордости»

³ См.: *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России // Сочинения. СПб., 1898. Т. 2. С. 133—134; *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914.

(1802 г.) он писал: «...как человек, так и народ начинает всегда подражанием, но должен со временем быть сам собою, чтобы сказать: я существую нравственно. ...Хорошо и должно учиться, но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником! До сего времени Россия беспрестанно возвышалась, как в политическом, так и в нравственном смысле. Символ наш есть пылкий юноша: сердце его, полное жизни, любит деятельность, девиз его есть труды и надежда!»⁴. Столь же психологичны и образны зарисовки древнерусского быта и культуры, попавшие на страницы карамзинской «Истории государства Российского».

П. Я. Чаадаев своим «Философическим письмом» взорвал русскую общественную мысль своего времени. Говоря, что «исторический опыт для нас не существует», что «стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода», Чаадаев рисовал мрачную картину Древней Руси, которая жила «идеей почвы», а не «идеей человека», которая «утомилась» обрядностью и одиночеством вне «великой семьи христианских народов»⁵. Философ в определенной мере спровоцировал появление славянофильской концепции развития древнерусской культуры, противопоставленной «западникам». К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков и другие теоретики славянофильства развивали тезис, что для русского народа в силу национального характера приоритет имеют не политические и государственные отношения, а религиозно-духовные. И. В. Киреевский в двух главных статьях («О характере европейского просвещения в его отношении к просвещению России» (1852); «О возможности и необходимости новых начал в философии» (1856)) поставил вопрос о самоопределении русской культуры. По его мнению, ее основные отличия от западноевропейской культуры заключаются в разных духовных, культурных и исторических корнях: «Три элемента Запада: римская церковь, древнеримская образованность и возникшая из насиллий завоевания государственность — были совершенно чужды древней России. Приняв учение христианское от Греции, она постоянно находилась в общении со вселенскою церковью». Видя в древнерусской культуре «огромное согласие всей русской земли, имеющее над собою великого князя», особую нравственную «образованность», мыслитель ставил закономерный вопрос: почему же «образован-

⁴ Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 97

⁵ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 44—45.

ность русская не развилась полнее образованности европейской прежде введения в Россию просвещения западного?». Ответ Киреевский видел в том, что «полнота и чистота христианского учения» сливались с наружной формой общественного и частного быта, а посему «человеку легко было смешать их значительность и наружную форму уважать наравне с ее внутренним смыслом»⁶.

К. С. Аксаков в статьях «О русском воззрении», «Еще несколько слов о русском воззрении» и других утверждал, что русский народ — «негосударственный», «христианско-человеческий» по духу своему и ему подходит только православная самодержавная монархия как единственно приемлемая форма власти. Русский народ развивается по «пути внутренней правды», опирающейся на православные нравственные устои, на «землю» (общину), и этим он резко отличается от Запада, живущего по «внешней правде» политико-правового государства. Освобождение от «умственного плена» Аксаков видел в обращении к древней русской истории и культуре⁷. Работы славянофилов способствовали тому, что древнерусскую культуру воспринимали как нечто цельное, монолитное и незыблемое.

Воззрениям славянофилов противостояли «западники», к разряду которых следует отнести С. М. Соловьева. Считая географический фактор наиболее значимым в развитии того или иного народа, Соловьев указывал, что в Древней Руси «физической разбросанности, разрозненности народа соответствовала нравственная несплоченность общества и потому невозможность выработать крепкие нравственные границы для сил, которым предоставлялся широкий степной простор». Все отношения в древнерусском обществе основывались на «личной силе»: «человек безусловно подчинялся более сильному и в то же время безусловно подчинял себе менее сильного, и таким образом преобладающим отношением было отношение господина к рабу». Большое значение в развитии «духовных сил народа» ученый придавал образованию и науке. Отсутствие последних в России долгое время «задерживало» развитие ее культуры, «отнимало возможность самостоятельно относиться к каждому явлению, проверять его, отличать истинные авторитеты от ложных».

⁶ Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1911. С. 182—183.

⁷ Аксаков К. С. Соч.: Эстетика и литературная критика. М., 1995. Т. 1. С. 315—322. См. также: Теория государства у славянофилов: Сб. ст. СПб., 1898; Герцен А. И. Былое и думы: В 2 т. М., 1988. (Гл. XXX); Лосский Н. О. История русской философии. М., 1994; Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986.

Особенно важным историк считал «общение с народами, стоявшими на равной или высшей ступени общественного развития», чего также лишено было древнерусское общество до XVII в. Главным результатом отставания России он называл «нравственную несостоятельность», «застой, коснение, узкость горизонта, малочисленность интересов... одним словом, недостаток просвещения»⁸.

Современник С. М. Соловьева — Н. Я. Данилевский — был первым российским теоретиком культуры, заложившим основы так называемого цивилизационного подхода в культурологии. Он определял культуру через понятие организма, видя в мировой истории череду самобытных непересекающихся и непередающихся культурно-исторических типов, имеющих свой расцвет и свой закат. Данилевский выделил десять культурно-исторических типов, но не включил в их число Россию и славянские народы, утверждая, что они создадут свой тип в будущем. Как идеолог панславизма, Данилевский подчеркивал, что славянские культуры отличаются от европейских по психическому складу, историческим условиям, религиозной жизни. Древняя Русь заложила основы терпимости и общественного начала, в то время как в Европе наблюдалось «чрезмерное развитие личности и следствие его — насильственность». Религиозная жизнь православных народов отличается тем, что в ней «утверждается непогрешимость церкви». Все это вместе взятое и не позволяет России идти по пути Европы, а те перемены, которые произошли в русской культуре после реформ Петра I, — это только подражание, европейничанье, болезнь⁹.

Особая заслуга в привлечении интереса научной общественности к историко-культурной проблематике принадлежит также, на наш взгляд, В. О. Ключевскому. Определяя культуру как «степень выработки человека и человеческого общежития», историк не противопоставлял ее цивилизации, подчеркивая преемственность движения через культурную традицию. И хотя его определение традиции отличается некоторым ироническим оттенком — «скарб идей, условностей, привычек, но если отнять это у общества, то у него ничего не останется», все же значение, придаваемое им традиции в культуре, чрезвычайно высоко. Для древнерусской культуры это значение традиции усиливается многократно, приобретая основополагающую роль в историко-культурном процессе. По Ключевскому,

⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. С. 59; Кн. 7. М., 1962. С. 126—135.

⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1870.

древнерусская культура жила идеей сохранения православно-византийской традиции, русское общество пребывало в состоянии «национальной самоуверенности», считая себя «единственным православным в мире»¹⁰.

Отдавая приоритет социологическому аспекту, Ключевский подчеркивал, что движение общества идет по линии постепенного подчинения «личного интереса» «общей пользе» под воздействием «общественного сознания». Ему удалось поставить историко-культурную проблематику в центр внимания научной общественности своего времени, что и вызвало, на наш взгляд, обобщающий труд по истории русской культуры П. Н. Милюкова, ученика Ключевского.

П. Н. Милюков видел в «культурной истории», выделенной им из «прагматической», социологическую направленность. Он назвал три основных «тенденции» культурного развития народов: рост населения той или иной страны, влияние среды и окружающей обстановки и роль личностного фактора. Опираясь на теоретические труды Н. И. Кареева, историк ставил своей целью «осветить основные процессы и явления, которые характеризуют русскую общественную эволюцию». Он выделял три периода в истории русской культуры: «органический» (охватывающий XV—XVII вв., определяемый как «эпоха созидательной государственной работы, создания и усвоения националистических идеалов»); «переходный период» (падающий на XVIII столетие и знаменующий «первые успехи общественной критики») и «критический период» (относящийся уже к «новейшей истории» — XIX в. — и исповедующий идеалы, «которые подверглись упреку в космополитизме»). Милюков прослеживал развитие общественного самосознания, видя в этом «культурную историю», а потому оставлял за рамками своего исследования литературу, искусство, театр, музыку и т. д. Для него движение культуры замыкалось рамками борьбы «национализма народа» (до XVIII в.) и «общественного — критического — сознания». Национализм как более низкая ступень самосознания общества формировался в эпоху столкновения наций, «борьбы за национальное объединение и независимость» и фиксировал «особенность, отличие данной национальности от соседних». Национальное самосознание носит характер традиционного и ориентировано в прошлое.

Таким образом, в изучении русской культуры Милюков предлагал свой совершенно особый путь, со своей периодизацией, в которой

¹⁰ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1957. Т. 1. С. 21; Т. 3. С. 256, 258, 334, 358—359.

древнерусская культура охватывалась лишь в хронологических границах XV—XVII вв.¹¹ Неоднократно переиздававшееся исследование П. Н. Милюкова оказало большое влияние на поколение ученых «серебряного века», направив изучение истории культуры в русло истории общественной мысли. До его фундаментального труда историки литературы и искусства видели в древнерусской культуре в основном «византийское влияние», которое скрупулезно и отслеживали. Труды, обобщающие и синтезирующие данные о культуре Древней Руси, в большом числе появились в конце XIX — начале XX вв. после исследования Милюкова.

Религиозно-философское направление в теории культуры, представленное В. С. Соловьевым, Н. С. Трубецким, П. А. Флоренским и другими, подняло вопрос о русской культуре на новую ступень философского осмысления. Самый значительный вклад в изучение древнерусской культуры внес П. А. Флоренский, посвятивший ей специальные исследования. Он утверждал, что культура не может и не должна развиваться, потому что культура возможна только на основе веры и культа, определяющих миропонимание и ставящих в его центр Бога. Характеризуя свои культурно-исторические воззрения, он отрицал культуру «как единый во времени и пространстве процесс, с вытекающим отсюда отрицанием эволюции и прогресса культуры». С его точки зрения, вместо эволюции в культуре наблюдаются ритмически сменяющиеся два типа — средневековый и возрожденческий. Первый обладает органичностью, объективностью, конкретностью, самособранностью, а второй тип — раздробленностью, субъективностью, отвлеченностью и поверхностностью. Эпоха, начатая Ренессансом, «характеризуется наибольшим отдалением от высших духовных интересов и целостной культуры», но она закончилась в начале XX в. Ей на смену идет средневековый тип, олицетворяющий истинную, подлинную культуру: «Всякая культура представляет целевую и крепко связанную систему средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, принимаемой за основу и безусловную, т. е. служит некоторому предмету веры. ...Культура, как свидетельствуется и этимологией, есть производная от культа, т. е. упорядочивание всего мира по категориям культа...»¹².

¹¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. 2-е изд. СПб., 1903. Т. 3. С. 2—3, 5, 7, 13—14 и др.

¹² Флоренский П. А. Автореферат // Вопр. философии. 1988. № 12. С. 45—50; Священник Павел Флоренский. Сочинения: В 4 т. М., 1994—1997.

Вышедшие в 1920-х гг. обобщающие работы по истории русской культуры носили явный социологический налет, не скрываемый авторами. Так, Н. П. Сакулин предлагал свою «схему-триаду», согласно которой до середины XVII в. «старорусская» культура представляла собой взаимодействие двух «стилей» — церковного и светского¹³.

В. В. Сиповский рассматривал развитие русской мысли как борьбу «христианства и индивидуализма». XVII век, с его точки зрения, — «эпоха Возрождения с ее обожествлением человека, мыслящего свободно и живущего радостно...». Этот переход был подготовлен еретическими движениями XV—XVI вв. и совершался под влиянием Запада¹⁴.

В 1930—1980-е гг. преобладали исследования, поставившие изучение древнерусской культуры на фундамент предметно-аксиологического подхода, характерной особенностью которого было четкое деление культуры на материальную и духовную, а внутри них — по отраслям¹⁵. Было написано много конкретно-исторических работ, главной задачей которых стало выявление, описание и обобщение материала по отдельным сторонам культуры (литература, искусство, театр, общественная мысль, философия и т. п.)¹⁶. На этом фоне выделяются книги, ставящие своей задачей изучение менталитета

¹³ Сакулин Н. П. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. Л., 1928. С. 14—67.

¹⁴ Сиповский В. В. Этапы русской мысли. М., 1924. С. 10—31.

¹⁵ Подробнее см.: Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М., 1983.

¹⁶ См. библиографические указатели: Русская культура XVI—XVII веков в трудах советских исследователей / Под ред. А. М. Сахарова. М., 1979; Дробленкова Н. Ф. Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1961; Она же. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованной в СССР. 1958—1967. Ч. 1. Л., 1978; Русский фольклор. Библиографический указатель 1917—1944 гг. / Под ред. А. М. Астаховой, С. П. Луппова. Л., 1966; Русский фольклор: Библиографический указатель. 1976—1980. Л., 1987; Русский фольклор: Библиографический указатель. 1981—1985. СПб., 1993; Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания (1674—1959). М.; Л., 1962; Пилявский В. И., Горшкова Н. Я. Русская архитектура XI — начала XX в. (Указатель избранной литературы на русском языке за 1811—1975 гг.) Л., 1978; Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. / Отв. ред. Я. Н. Шапов. СПб., 2003; История мировой и отечественной культуры: Методология исследования историко-культурного процесса: Библиографический указатель литературы. 1984—1994. СПб., 1999 и др.

и мировосприятия, быта и нравов, повседневной жизни древних русичей, которые можно пересчитать по пальцам¹⁷. Однако не следует недооценивать проделанную работу нескольких поколений советских ученых. Была создана огромная источниковая база для последующих исследований, накоплен большой методический потенциал, намечены пути более глубокого осмысления взаимосвязей отдельных отраслей культуры и т. д. Среди этой массы литературы специальных работ, посвященных древнерусской культуре в целом, было немного.

Лаборатория истории русской культуры Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова выпустила в свет «Очерки русской культуры», посвященные обзору древнерусской культуры по столетиям. В них подводился итог многолетнего изучения русской культуры в советской исторической науке, фиксировался уровень разработки отдельных ее проблем, намечались назревшие нерешенные задачи. В очерках А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, В. Л. Янина, А. М. Сахарова, Н. Н. Воронина, Г. В. Вздорнова, В. С. Шульгина, А. К. Леонтьева, А. И. Рогова, М. А. Ильина и других авторов, прослеживающих развитие общественной мысли, быта и нравов русского общества, школы и просвещения, литературы, искусства, архитектуры и т. д., складывалась пестрая картина древнерусской культуры¹⁸. Каждый из исследователей в той или иной мере концентрировал свое внимание на ценностях феодальной эпохи, учитывая и классовое сознание, влияющее на культуру верхов и низов, расставляя акценты в соответствии с требованиями марксистской диалектики. Предметно-аксиологический подход во многом сохранен и в учебном пособии «История русской культуры XI—XX вв.», выпущенном Лабораторией культуры МГУ в 1990 г. и выдержавшим

¹⁷ См.: *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI—XIII вв. Л., 1947; 2-изд. М.; Л., 1966; *Райнов Т.* Наука в России XI—XVII веков. М.; Л., 1940; *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; *Адрианова-Перетц В. П.* К вопросу об изображении «внутреннего» человека в русской литературе XI—XIV веков // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1953; *Она же.* Человек в учительной литературе Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. XXVII.

¹⁸ См.: *Сахаров А. М., Муравьев А. В.* Очерки русской культуры IX—XVII вв. М., 1962; Очерки русской культуры XIII—XV веков / Гл. ред. А. В. Арциховский. М., 1969—1970. Ч. 1—2; Очерки русской культуры XVI века / Гл. ред. А. В. Арциховский. М., 1977. Ч. 1—2; Очерки русской культуры XVII века / Гл. ред. А. В. Арциховский. М., 1979. Ч. 1—2.

уже три издания, хотя его авторы провозгласили себя приверженцами «деятельностного» (технологического) восприятия феномена культуры¹⁹. Следует отметить, что В. С. Шульгин, написавший раздел по древнерусской культуре в этом издании, всегда отличался особым вниманием к проблемам менталитета, религиозных верований и представлений, сектантства и еретичества, идейных исканий мыслителей и писателей Древней Руси. Он широко опирался на цивилизационный подход и на герменевтический метод анализа источников. История древнерусской культуры предстает в интерпретации ученого как один из самых своеобразных и ярких периодов в истории отечественной культуры. Стремясь не допускать упрощений при истолковании исторических событий, В. С. Шульгин внес большой вклад в осмысление такого сложного явления русской культуры как церковный раскол.

Ряд историков и литературоведов на протяжении многих лет изучали отдельные стороны, явления и периоды древнерусской культуры, создав свою личную («малую») ее историю. Первым в этом ряду по праву должен стоять Д. С. Лихачев. В своей книге «Человек в литературе Древней Руси» (Л., 1954) ученый предложил положить в основу историко-литературной периодизации стиль изображения человека. В XI—XIII вв. торжествовал стиль «монументального историзма», пришедший на Русь вместе с христианством и давший всей культуре новый — монументальный — принцип отражения мира. В XIV—XV вв. его сменяют «эмоционально-экспрессивный» стиль и стиль «психологической умиротворенности». В XVI в. появляется «ложный монументализм» эпохи Ивана Грозного. В конце пути древнерусской литературы стояло «открытие личности» в культуре XVII столетия: развитие «личностного начала, выработка личностного творчества и стабильного, авторского текста произведений», вхождение «автора» со своей особой точкой зрения, со своими представлениями об «авторской собственности и неприкосновенности текста произведения автора»²⁰. Опираясь на стили древнерусской

¹⁹ Зезина Р. М., Кошман Л. В., Шульгин В. С. История русской культуры XI—XX вв.: Учеб. пос. М., 1990; 2-е изд. М., 1995; 3-е изд. М., 2002.

²⁰ См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. Л., 1954; 2-е изд. М., 1970; *Он же*. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973; *Он же*. Величие древней литературы // ПЛДР. XI — начало XII в. М., 1978. С. 5—20; *Он же*. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» // ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 5—22; *Он же*. Литература трагического века в истории России // ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 5—26; *Он же*.

литературы, предложенные Д. С. Лихачевым, уже не одно поколение исследователей подходит к анализу не только литературы, но и искусства²¹ и древнерусской культуры в целом.

Многочисленные работы Б. А. Рыбакова, посвященные языческим представлениям Древней Руси и славян, ремеслу и декоративно-прикладному искусству домонгольской Руси, летописанию и авторству «Слова о полку Игореве» и пр.²², были написаны ярко, но не всегда аргументированно. Так, например, вызывали возражение специалистов выводы академика о существовании многочисленных ранних лицевых летописей, вошедших в состав Радзивилловской летописи XV в. Труды Б. А. Рыбакова продолжают переиздаваться и сегодня.

Свою «малую» историю духовной культуры Древней Руси оставил и А. И. Клибанов²³, охвативший своими капитальными монографиями XIV—XVI вв. по преимуществу. В центре его внимания была не материальная, а сугубо духовная культура, изучение которой требовало особенно бережного отношения и глубокого проникновения в менталитет древнерусского человека.

Академик В. Л. Янин воссоздал историю и культуру древнего Новгорода, объединив на основе комплексного источниковедения археологические и исторические методы исследования. В русле его интересов оказалась практически вся культура Новгорода Велико-

Литература времени национального подъема // ПЛДР. XIV — середины XV века. М., 1981. С. 6—26; *Он же*. Литература эпохи исторических размышлений // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 5—20; *Он же*. Эпоха решительного подъема общественного значения литературы // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984; *Он же*. Литература «государственного устройства» // ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 6—16; *Он же*. На пути к новому литературному сознанию // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986; *Он же*. XVII век в русской литературе // ПЛДР. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 5—26 и мн. др.

²¹ См.: *Вагнер Г. К.* Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987 и др.

²² См.: *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1970; *Он же*. Язычество древних славян. М., 1981; *Он же*. Язычество Древней Руси. М., 1987; *Он же*. Ремесло древней Руси. М., 1968; *Он же*. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» М., 1972; *Он же*. Рождение Руси. М., 2003.

²³ См.: *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI века. М., 1960; *Он же*. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977; *Он же*. Духовная культура Древней Руси. М., 1996 и др.

го, отразившаяся в берестяных грамотах и других археологических находках, летописях, фресковых росписях, планах древнего Новгорода и пр.²⁴

В 1960-х гг. начала складываться тартуско-московская семиотическая школа, предложившая свою версию развития древнерусской культуры по так называемой «дуальной модели». Согласно этой модели, «русская культура делится на динамически сменяющиеся друг друга этапы, причем каждый новый период ориентирован на решительный отрыв от предшествующего». Проистекает это из специфической черты русской культуры, кроющейся в «принципиальной полярности, выражающейся в дуальной природе ее структуры»²⁵. Русская культура, по мнению Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, дважды в своей истории меняла знаки в двуполусном ценностном поле — в период крещения Руси и во время петровских реформ. И тот и другой переход в культуре был лишь «выворачиванием ее наизнанку», «сменой полюсов», символизирующих языческие и христианские основы культуры. Следует признать несомненную ценность отдельных наблюдений семиотиков, особенно Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, М. Б. Плухановой, В. М. Живова²⁶.

В последнее время активно разрабатывается герменевтический подход к изучению древнерусских текстов, в особенности ленинградской и московской школами литературоведов. У его истоков стоял М. М. Бахтин²⁷. А. М. Панченко, А. Н. Робинсон, О. А. Державина,

²⁴ См.: *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... 3-е изд. М., 1998; *Он же.* Средневековый Новгород. М., 2004; *Он же.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. См. также многотомное издание: Новгородские грамоты на бересте. Вып. I—XI. М., 1953—2004.

²⁵ *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца 18 века) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 414. С. 3—37. См. также: *Лотман Ю. М.* Избр. ст. Таллин, 1992. Т. 1; *Он же.* История и типология русской культуры. СПб., 2002; *Успенский Б. А.* Избр. тр. Т. I—III. М., 1996—1997.

²⁶ См.: *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982; *Он же.* Избр. тр. Т. I—III. М., 1996—1997; *Он же.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998; *Плуханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995; *Живов В. М.* Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3. (XVII — начало XVIII века) и др.

²⁷ См.: *Бахтин М. М.* Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; *Он же.* Литературно-критические статьи. М., 1986; *Он же.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.